

Семь дней Жизни

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алена Бессонова

Семь дней Жизни

<https://litres.ru/74610873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Закон "Семь Дней Жизни" был принят правительством несколько лет назад, он позволяет заключенным, приговоренным к смертной казни, перед тем, как приговор будет осуществлен, прожить семь дней вне стен Лагеря, на свободе. За это время, осужденный может сполна почувствовать себя Человеком, ведь ему предоставлены практически все людские развлечения. На такую жизнь было бы грех жаловаться, если бы не одно "но"... по истечению семи дней, тебя ожидает смерть...

Содержание

Часть I. Человек с трусливыми глазами. Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	41

Алена Бессонова

Семь дней Жизни

Часть I. Человек с трусливыми глазами. Глава 1

Книга содержит упоминания наркотических веществ и табакокурения, а также сцены насилия, унижения и описания условий заключения, включая применение наказаний к несовершеннолетним.

Текст предназначен для читателей старше 18 лет.

В первый день Бог сказал: «Да будет свет», — и стал свет.

Во второй день — Бог сотворил небо.

В третий — отделил воду от земли.

В четвёртый — солнце, луну и звёзды.

В пятый — рыб и птиц.

В шестой — зверей земных и человека.

В седьмой день Бог не творил ничего. В седьмой день Бог покинул этот мир.

Красный раскалённый шар медленно выползает из-за горизонта и прогоняет последние ночные тени, серое небо начинает синеть. День обещает быть ясным и очень жарким. Я сижу на крыше барака, свесив ноги, и, с восхищением, наблюдаю за рассветом. Под ладонями ощущается еще холодное с ночи, железо, и это единственная прохлада, которая у меня будет, пока не стемнеет.

Сегодня воскресенье, а это значит, что нам, заключённым Лагеря Бишерон, позволено поспать подольше, но это совсем не означает, что работы будут отменены. Скорее наоборот: раз утром ты выспался, днём работай за четверых. Все заключенные это понимают и тянут сон до последнего. Все, кроме меня. Но мне не нужен лишний час сна, потому что встреча солнца — это, пожалуй, единственное удовольствие, которое у меня не могут отобрать, ведь его нельзя отменить приказом и нельзя проиграть в карты. Спокойствие и умиротворение, вот, что ощущаю я, смотря на утренний небосвод. Жаль, что в остальные дни, нам приходится вставать еще затемно, и чаще всего, солнце мы уже встречаем на полях или

на рудниках, а там особо не полюбишься.

Раздаётся удар гонга. Дневные надзиратели сменяют ночную смену и отправляются будить бараки.

День начинается.

Я спрыгиваю на пыльную землю и бегу к колодцу. Скоро вокруг него соберётся толпа, и каждый будет мечтать о ведре холодной воды. Я не ошибся: только мне удастся умыться, как за спиной уже гудит сдавленная масса людей. Добраться до воды дадут первой десятке. Надзиратели искренне верят, что пяти минут на утренние процедуры хватает на полсотни человек — при условии, что на всех один колодец и одно ведро, дно которого скоро станет похоже на решето.

Ко мне подсказывает Сэт:

— Спасибо, дружище, что занял место. — Он без лишних слов выливает на себя воду, и его губы растягиваются в счастливой улыбке. — Хорошо! Ну как сегодня рассвет?

— Красивый. Тебе бы стоило его увидеть хоть раз.

— Нет, спасибо. Я лучше посплю лишний час, а на солнце я ещё днём посмотрюсь. Благо, оно так хочет нас сжечь, что даже за облаками не прячется.

Колодец находится почти в середине участка. По бокам от него стоят деревянные бараки и постовые вышки, чуть дальше белеет здание администрации, а за ним начинаются другие участки. Всё это обнесено высоким забором, за которым от нас прячут свободу. Самое интересное, что для всех заключённых свобода лежит где-то на востоке — потому что

на запад, в противоположную сторону, мы каждый день уходим на работы, и там для нас уже нет ничего, кроме нее. Вот что собой представляет прославленный Лагерь общего режима Бишерон.

Сюда свозят преступников всех категорий: от убийц до мелких воришек. Отношение одинаковое ко всем — так, по крайней мере, задумано, но, конечно, есть и исключения. Вот только, чтобы стать этим самым исключением, нужно приложить немало усилий и умственных способностей, которыми я, увы, не блещу.

Несколько десятилетий назад правительство решило, что у всех преступников должны быть одинаковые меры наказания. С тех пор в суде никто не смотрит ни на твой пол, ни на возраст. Возрастной порог опустился до двенадцати лет. Наверное, кто-то решил, что в двенадцать ребёнок уже вполне самостоятелен и может нести наказание наравне со взрослыми.

— Подкинем монетку? — Сэт достаёт из кармана штанов потемневший четвертак. Мы нашли его в песке года два назад, наверное, кто-то из надзирателей обронил. — Рудники или поле?

Наша старая игра: угадай, какая работа ждёт тебя сегодня. Вообще-то вариантов больше, чем два, но монета не отличается многогранностью, так что нам приходится себя ограничивать.

Смотрю на небо, оно уже совсем посветлело. От ночи

остались только перистые облака где-то на западе, тонкие, как разорванная марля.

— Поле, — констатирую я факт, в такую жару нас точно выведут на открытое место, чтобы как следует помучить.

— Поле - орёл, рудники - решка.

— Кидай уже.

Монета подпрыгивает и падает. Сэт делает попытку поймать ее, но у него не получается, и четвертак зарывается в песок.

— Решка, — он наклоняется, подхватывает монету и суёт обратно в карман.

— Нет, — не соглашаюсь я, — однозначно будут поля.

— Знаю, — кивает Сэт.

Мы уже собираемся идти на построение, когда кто-то грубо хватает меня за плечо и разворачивает на сто восемьдесят градусов.

— Эй! — Я пытаюсь вырваться, но через секунду замираю: передо мной маячит бритая голова и расширенные, почти чёрные зрачки.

— Козёл! Ты меня толкнул!

Это Барри - местный задира. Именно с таких его фраз обычно начинаются все здешние потасовки. Даже не знаю, как ему до сих пор удавалось выходить сухим из воды, ведь любое нарушение устава лагеря серьезно карается и, чаще всего, карается смертью.

— Что? Я? — Я отвожу взгляд в сторону, стараясь не

смотреть в эти его черные глаза. Я никогда не иду на конфликт, мне вообще не нужны все эти проблемы.

— Ты видишь здесь другого козла? — Барри на взводе, он заметно нервничает и как-то неестественно дёргается, как будто под комбинезоном его что-то кусает. Хотя, возможно, так оно и есть, здешние блохи ужасно недружелюбны.

У меня перехватывает дыхание. *Нет. Неужели он хочет со мной подраться? Я же ничего ему не сделал?*

— Нет, — быстро соглашаюсь я с ним. — Не вижу. Ты совершенно прав, другого козла тут нет. Прости, пожалуйста.

Мне не нужны проблемы... Не нужны, совершенно... Я хочу быть тише воды, ниже травы.

Сэт отходит от нас и стоит в стороне. Он не вмешивается в наш разговор — и правильно делает. Я бы на его месте поступил точно так же.

— Какая ты мямля, Хэл! — Удивительно, что он знает моё имя, потому что я не помню, чтобы представлялся ему. — Мог бы и постоять за себя! Ты же мужик! Хотя какой ты мужик — ты тряпка, пыль на моих сапогах. Ничтожество, — бросает он оскорбления в мой адрес.

— Да, ты прав. — Соглашаться со всем, что он скажет, и не поднимать глаз. Может, тогда он успокоится?

— Наверное, и родители твои такие же, — он делает шаг вперёд, наклоняется ближе, и я чувствую его кислый запах. — Мапочка, папочка. Скажи, Хэл, ты хоть помнишь их лица? — Внутри меня что-то дёргается, но тут же замирает. —

Да на тебя смотреть противно!

И он плюёт мне в лицо, тёплая слюна ползёт вниз по моей щеке, но я даже не двигаюсь. Барри не ударит первым, он хочет спровоцировать меня, хочет, чтобы сорвался я, тогда и накажут меня. Но я прекрасно знаю правила выживания в этом месте.

Вокруг уже столпилось человек тридцать. Кто-то даже умудряется делать ставки на исход нашей ссоры. Слышу, как за спиной один мужчина говорит другому: «Кто? Хэл? Да этот и до обеда теперь не доживёт».

Я не успеваю испугаться, потому что Барри резко начинает кричать:

— Боже! — Он отчаянно хватается за голову. — Куда катится мир? Тебя прилюдно унижают, а ты готов! Этот лагерь выжигает в нас чувство собственного достоинства! Делает из нас безвольных рабов! — Я поднимаю голову и смотрю на него. Что это с ним? Это уже мало похоже на оскорбление. Больше на крик. — Разве так можно жить? Хэл, скажи, как ты так живёшь? Почему ты им подчиняешься?

Что он творит? Здесь нельзя говорить такие вещи.

Лицо у него красное, на лбу блестят капли пота, а глаза стали совсем безумными. Он больше не контролирует себя и начинает сильно трясти меня за плечи, а я просто стою, хлопая глазами. Да, я с ним согласен, почти с каждым его словом, но я никогда в этом не признаюсь, потому что все ещё хочу жить.

— Не скажешь, конечно, - бормочет парень, - не скажешь. Ты же трус. Настоящий, жалкий трус. — И в следующий миг Барри наотмашь бьет меня по лицу, и я падаю на мягкий песок. Моя губа лопается, и по подбородку начинает течь кровь, а во рту ощущается вкус железа.

Следующую фразу я произношу почти победным голосом, как будто это я только что побил своего врага:

— Ты допрыгался, — и киваю в сторону приближающихся надзирателей.

Затуманенный взгляд Барри на миг проясняется, в нем вспыхивает огонёк страха, наконец-то он понял, что натворил бесповоротную глупость. Не сдержался, хоть и знал, к чему это может привести.

Двое надзирателей подходят к бритоголовому и с двух сторон берут его за локти:

— Ты пойдёшь с нами.

Один из них оборачивается ко мне:

— Твой номер, заключённый?

Я вскакиваю и вытягиваюсь по стойке смирно:

— Заключённый восемьсот шестьдесят первый.

— Теперь ты под особым наблюдением, — сообщает он мне, и затем надзиратели тащат бритоголового в сторону администрации.

— Нет! Я же ничего не сделал! — Барри в панике кидает взгляд то на надзирателей, то на меня.

Сэт уже стоит рядом со мной, он не смотрит, как уводят Барри, и я тоже хочу последовать его примеру, но не могу отвести глаз. Бритоголовый воеет от отчаяния, пытается упасть на колени, но его крепко держат за тощие плечи. И мне становится его очень жаль, ведь теперь для него это будет конец.

— Одним ублюдком меньше, — говорит Сэт.

Может, он в чём-то и прав. Барри из тех, кого называют именно так, но заслуживает ли он смерти?

Меня передёргивает. Не стоит думать об этом. Вокруг нас то и дело уводят людей, и ещё никто не возвращался обратно. В лагере царит строгая дисциплина, и правит ею устав. Но люди по своей натуре существа непонятные: то и дело кто-нибудь строит из себя героя и решает устроить переворот. Его, ясное дело, наказывают, чтобы другим был пример. Если нарушение несерьезное (вас ударил обезумевший бритоголовый ублюдок), то заключенному обычно дается еще один шанс, ну а если все намного серьезнее (вы говорили

неподобающие

вещи в окружении большого количества людей), то вас уже навряд ли, что – либо сможет спасти. Остается только молиться, но кому молиться именно здесь, тоже не совсем понятно.

Барри заталкивают в помещение администрации, дверь за ним со стуком захлопывается, и я, выдыхая горячий воздух, поворачиваюсь к Сэту:

— Пошли в столовую. Гонг был давно.

На сердце тревожно, но я пытаюсь сделать вид, что ничего серьёзного не произошло.

Но это далеко не так.

Глава 2

Слипшийся ком кукурузной каши встал ровно посередине пищевода и мое горло судорожно сжалось, внезапно подкатила тошнота. Чтобы не задохнуться, мне пришлось со всей силы надавить пальцами на кадык и пропихнуть эту сухую массу дальше. Смерть от тарелки баланды, обычное дело в нашем бараке. Умирать за грязным столом, подавившись едой, мне хотелось меньше всего. Глупая, нелепая смерть!

— Тебе крупно повезло, что Барри не удержал свой поганый язык, — прозвучал над ухом хрипучий спокойный голос. Рядом со мной на скамью опустился высокий темноволосый мужчина, которого в лагере знали все.

Джек Мэйлс.

Сэт тут же замер, не донеся ложку до рта, за соседними столами стих привычный гул. Даже надзиратель, стоявший у засаленного окна, демонстративно отвернулся, разглядывая мутное стекло. У Мэйлса у единственного на всей территории есть фамилия на бирке и право свободно ходить по столовой во время приема пищи.

— Я всё видел, — Джек опёрся локтями о стол, наклоняясь ближе. От него совсем не пахло лагерным потом, от него пахло дешёвым мылом и сухим табаком. — Драку начал ты. И забрать должны были тебя, а не его.

Я утыкаюсь взглядом в серо-жёлтое месиво в миске, ста-

раясь даже не смотреть в сторону Джека. Он здесь авторитет, с ним водят дружбу даже надзиратели, рядом с ним я никто.

— Угу, — вытолкнул я из пересохшего горла, утро только началось, а я уже вляпался по самое горло. Почему мне так не везет?

— Ты же понимаешь, дружище, что ужасно подставил Барри, ну и меня заодно, — Джек не повышает тона, но мы с Сэтом просто вжимаемся в скамью, пытаюсь врать в доски. — У нас были общие дела. Так что теперь, тебе придётся занять его место.

Я все же вскидываю голову и удивленно таращусь на Мэйлса:

— Я? Но я... я не умею. Я не в курсе ваших дел...

Это не совсем правда. Все в лагере знали, что Мэйлс каким-то чудом провернул подпольный бизнес прямо под носом у начальства. Но знать и быть втянутым — разные вещи. До этого момента моя безопасность строилась на том, что я даже не пытался узнать какие-либо подробности.

— Ты мне должен, — Мэйлс поднялся, легко стряхнув со штанины несуществующую пылинку. — Выбора у тебя нет. Если, конечно, не хочешь примерить на себя деревянный ящик и это ещё будет оптимистичный расклад для тебя. До вечера. Мои люди тебя найдут.

Он уходит, и шум столовой вновь накрывает меня с головой. Звенят ложки, кто-то гаркает у раздачи, надзиратель грозно подгоняет кого-то дубинкой, но за нашим столом ни-

кто не шевелится. Лично мне хочется провалиться сквозь землю. Что, черт бери, произошло? Мне теперь нужно будет работать на Джека Мэйлса?

До конца завтрака остаются считанные минуты, и мне приходится зачерпнуть ложкой еще одну порцию каши, и запив её водой, проглотить, не жуя. Неважно, что будет вечером, но если сейчас не заполнить желудок по максимуму, то до заката можно просто умереть от недостатка сил.

Сэт исподлобья смотрит на меня, но молчит, а я буквально физически ощущаю его мысли. Скорее всего, он прикидывает, сколько дней осталось его соседу по нарам. Работа на Джека — гнилое дело. У Мэйлса происходит постоянная текучка: его люди рано или поздно все равно попадают и их жестко наказывают, Барри продержался почти полгода, и это местный рекорд, но с другой... пока ты нужен Мэйлсу, тебя не задирают другие зеки, а надзиратели смотрят сквозь тебя. Это может сильно облегчить здешнюю жизнь, но цена все-равно слишком высока.

Солнце поднялось над горизонтом огромным диском, превращая воздух в раскалённое желе. Нас формируют в колонны и выводят за западные ворота, на земельные работы в поля. Монетка ошиблась, а мы - нет.

Мне всегда нравились эти первые минуты пути. Если смотреть строго перед собой и не замечать вышек с пулемётами, можно на мгновение представить, что ты просто уходишь отсюда. Настоящий самообман, но только он и спасает

от безумия.

Вокруг нас, насколько хватает глаз, простирается растрескавшаяся черная земля. Ни травинки. У нас очень простая и тупая задача: втыкать лопаты и кирки, выворачивать сухие пласты и идти дальше. Зачем? Если бы мы знали. Никто из нас не понимал смысла этой работы, но автоматные стволы за спиной не располагали к философии. Через пять минут такой работы, с лица ручьем течет пот, а легкие обжигает раскаленным воздухом. Никогда не считал себя хилым, но эта работа, рано или поздно, вытрясет из меня дух. Хорошо еще, что на это чертово поле выводят только мужчин, женщинам и детям здесь не место, для них находится другая работа, и я, безусловно, рад, что не вижу их здесь.

— Что думаешь делать? — Сэт вогнал лезвие лопаты в сухую грязь рядом со мной. Мы всегда пытаемся держаться рядом, иногда, простой разговор сильно помогает не упасть духом.

— Выхода нет, — потянул я плечом, вытирая пот локтем.
— Придётся работать с Джеком.
— Паршиво.

Я втыкаю лопату в пласт земли. Мысли, от которых я старательно уворачивался все утро, снова накрывают меня с головой.

— Я никогда не интересовался, чем занимались ребята Джека. Видимо, зря. Надо было узнать раньше. Незнание сильно меня пугает, - честно признаюсь я.

— Поговаривают, он варит какую-то дрянь, — Сэт говорит тихо, еле шевеля губами и не поднимая глаз от земли. — Препарат какой-то. А его люди поставляет его.

— Кому? — искренне удивляюсь я. У местных не бывает даже лишней корки хлеба, Мэйлсу просто невыгодно вести с нами дела. Еще меня удивляет, что Сэт знает о Джеке намного больше меня.

— Кто возьмет. В основном надзирателям, конечно. — Сэт, перехватывает мой немой вопрос про его осведомленность и поспешно добавляет, — Я как-то подслушал, как Джек разговаривал по мобильному, договаривался о доставке каких-то ингредиентов. Да-да, у него есть мобила.

Я замираю на несколько секунд, опершись на черенок. Восемь лет. Я просидел в этом лагере восемь чертовых лет, а Сэт — всего три, и он осведомлен лучше меня. Что за чертовщина здесь происходит? Впрочем, чему я удивляюсь? Я ведь сам выстроил вокруг себя стерильный вакуум, лишь бы ничего не видеть и не слышать.

— Значит, мне придется иметь дело с наркотиками, — горько выдыхаю я, и продолжаю копать землю, пока мой перерыв не заметил один из надзирателей.

— Скорее всего, но тебе же не привыкать, — Сэт вытирает запястьем лоб, оставляя на коже грязную полосу.

О да. Круг замкнулся. Я вернулся ровно к тому, с чего начал. Наркотики. Из-за них я и оказался здесь.

Там, за периметром, в так называемом «цивилизованном

мире», законы беспощадны. За травку — изоляция, за повторный проступок — высшая мер наказания.

— Если меня снова засекут с дрянью, мне точно крышка.

— Мэйлсу, скорее всего, это известно, — начинает рассуждать Сэт. — Администрация закрывает глаза на его дело, но за тебя они возьмутся основательно. У тебя не будет ни шанса отмазаться.

— За меня они рано или поздно всё равно взяли бы, — я сжимаю деревянный черен до боли в суставах. — Восемь лет, Сэт. Здесь столько не живут.

И это чистая правда. Я был здесь местным призраком, старожилом. Меня привезли в лагерь Бишерон двенадцатилетним мальчишкой, на тот момент я был единственным ребенком среди матерых уголовников и политических преступников. Как я выжил? Очень просто. Я усвоил одно-единственное правило: будь тише воды, ниже травы, выполняй все приказы, и никогда, слышишь, никогда не геройствуй. Так я и делал.

Пока другие поднимали бессмысленные бунты и умирали на сетке под автоматные очереди, я отсиживался в стороне, вычищая командирские сапоги. Когда по вечерам другие пели тоскливые песни о свободе, я затыкал уши и бубнил лагерный гимн, чтобы не сойти с ума от ложных надежд. Я не был героем. Никогда. Я просто хотел дышать. И это работало ровно до сегодняшнего дня. Других уводили, раз за разом, толпами и поодиночке, а на меня не обращали внимания. Но

теперь моя привычная жизнь дала трещину. Сначала Барри, теперь Мэйлс, надзиратели, которые запомнил мой номер... Моя тень рассеялась. Я вышел на свет, а на свету в этом месте долго не живут.

Сэт качает головой и продолжает копать землю. Он тоже умеет быть в стороне, мы потому и держимся друг друга. И я уверен, что он сможет прожить здесь достаточно долго, сейчас ему чуть больше двадцати, он высок и широкоплеч, здесь таких любят, на них можно возложить самые трудные работы, и Сэт будет выполнять их молча, а потому и выживет... может быть...

Мы копаем до самого вечера, жара постепенно спадает, но духота остается. Когда нас гонят обратно, по сторонам слышатся чужие мечты, кто-то говорит о холодной банке колы, кто-то о кондиционере, кто-то о море... Я не знаю о чем мечтать. Кондиционер? Да я толком не знаю что это! Море? Я никогда его не видел, хотя кто-то сказал, что оно находится совсем рядом. Но я не верю.

Сэт насвистывает какую-то незамысловатую мелодию. Он устал, но не показывает этого, он никогда ничего не показывает. Еще он не показывает, что волнуется за меня, а я-то это вижу. Сэт постоянно бросает на меня тревожные взгляды, наверное, оценивает и гадает, на какой день меня поймут надзиратели. Надо было все-таки дружить с Барри, и поучиться у него этим его штучкам вроде изворотливости, быстроте и хитрости. Он довольно долго смог проработать с

Мэйлсом, и даже загребли его не за наркотики. И как ему это только удалось? Единственное, чем могу похвастаться я, это — незаметностью. Я незаметный. Но разве этого будет достаточно для того, чтобы остаться в живых?

Нас пригнали обратно уже в полной темноте. Ужин мы пропустили, но кого это волнует? У колодца мы с Сэтом пьем прямо из ведра. Ледяная вода приятно булькает в пустом желудке, а на зубах неприятно скрипит песок. Я сажусь, облокотившись на прохладную стену барака. Кайф. Настоящий, редкий миг физического покоя. Сэт чиркает спичкой. Вспышка на секунду выхватывает его заострившиеся черты лица. Он затягивается самокруткой и протягивает её мне:

— Будешь?

Я беру. Не знаю, откуда у него такая роскошь, наверное, вновь набрал сухих корешков на поле. Это конечно не табак, но дымит нормально. Вполне хватает, чтобы наполнить легкие дымом и раскашляться. Сэт цокает и отбирает у меня самокрутку:

— Ты с Джеком осторожней, поговаривают, он вообще не заключенный. Ну, то есть числится им, а на деле он засланный человек Администрации. Поставлен сюда специально, чтобы контролировать бараки изнутри. Те, кто пытаются с ним спорить или много болтают, не просто в карцер попадают, они вообще из лагеря не возвращаются.

Я нахмурился. Если это правда, то Мэйлс — не просто лагерный авторитет, а прямая рука начальства. Настоящий

паук в центре паутины.

— По твою душу, — оборвал мои мысли Сэт, кивая куда-то в темноту.

Поворачиваю голову и вздрагиваю. Люди Мэйлсона. Два типа, худощавых и высоких подходят к нам. В нос тут же ударяет горько — кислый запах, отходящий от них.

— Ты — Хэл? — спрашивает один из них у меня, я киваю. — Джек Мэйлс приглашает тебя к себе.

Началось. Парни не уходят, видимо, они должны меня конвоировать.

Медленно поднимаюсь, мои ноги вмиг становятся ватными. Поворачиваюсь к Сэту, и на моем лице, скрытом от визитеров, проступает настоящий, животный ужас. Сэт смотрел на меня с печальным сочувствием. Хоть мы и приятели, но он мне не поможет, просто не может и не знает как.

Ладно, нужно идти. Джек не любит ждать.

Уже совсем темно, но территория лагеря хорошо освещена. Вообще-то, по правилам, все заключенные должны уже расходиться по своим баракам, а не идти в гости, как делаю я. Но что мне за это будет, если я иду в гости к самому Мэйлсу?

Обстановка барака местного наркодилера резко отличается от того, что должно находиться здесь по уставу. Обычно бараки пустые, их земельный пол служит для заключенных кроватью, вместо матрасов у нас мешки с соломой. Все спят пластом, тесно прижимаясь друг к другу, так теплее. Ни освящения, ни шкафов, ни тем более каких-то электропри-

боров в бараках нет, но у Джека все по-другому. Помещение разделено на две половины, вторая скрыта от моих глаз большим занавесом, сделанным из темного, прожженного в нескольких местах, полотна. Наверное, там спальня, а здесь кабинет. Я с любопытством оглядываю просторное, а что самое главное, светлое помещение, под потолком покачиваются электрические лампочки. Несколько секунд, не отрываясь, смотрю на них. Как давно я уже не видел искусственный свет? Наверное, я бы мог долго стоять так и пялиться на яркие точки, но меня отвлекает механический звук, перевожу свой взгляд в сторону и натыкаюсь на... радио. Да, это точно оно. Почти такая же коробочка была и у меня дома... когда-то. Радио транслирует какую-то передачу, слышится смех и голос ди-джея. А жизнь ведь идет.

Джек Мэйлс не начинает разговор, пока я полностью не успокаиваюсь, и не перестаю вертеть головой. Видимо, для него не впервой наблюдать за потерянными людьми, которые глазают на радио, как на самое настоящее чудо света.

— Ну что, нравится? — он сидит за столом и смотрит на меня своим холодным цепким взглядом.

— Да... у вас очень светло, — бормочу я, пытаюсь выглядеть хотя б не сильно напуганным.

Меня ведь не убивать сюда привели... или все же убивать?

— У меня нехватка людей, — без предисловий начинает Джек. — За последний месяц я потерял четверых, и ты к этому причастен. Так что теперь ты просто обязан мне помочь.

Он говорит вежливо, но за этой любезностью стояла глухая, беспощадная жестокость. Я понимал это, ведь он сам подставляет своих ребят.

— Ты это понимаешь?

— Да.

— И ты готов мне помочь?

Я хочу молчать вечно, просто не открывать рот и все, но кто-то толкает меня в плечо и мне приходится выдохнуть:

— Да.

— Хорошо, Хэл. Ведь твое имя – Хэл? Верно?

У меня хватает сил только на то, чтобы кивнуть, ноги так трясутся, что еще немного, и я просто свалюсь на пол. Я такой трус!

— Твоей задачей будет разносить вот это по местным баракам, — он показывает мне пакетик, наполненный сероватым порошком. Значит так выглядит его супер наркотик? С первого взгляда не отличить от обычной золы.

— Постойте, — внезапно у меня прорезается голос, — вы сказали по местным баракам? Но... я думал... ведь людям нечем платить, вы просто так им..., — не могу нормально договорить ни одной своей фразы.

Мэйлс хмурится, не ожидая от меня расспросов.

— Они мне и не платят. Этот порошок просто отход от основного продукта. Он предназначен, ну как бы тебе объяснить, для устранения людей. Сначала порошок действует как самый настоящий наркотик, но уже после третьего – четвер-

того раза, отказывают органы. Так что сам не пробуй, если, конечно, хочешь жить.

Внутри всё холодеет. Он рассказывал об убийстве так просто, будто речь идет о раздаче хлеба. И самое страшное, я осознаю, что меня это даже не удивляет. В моем мире все это, кажется, почти нормальным.

— Зачем вы мне это рассказали? — вопрос вырывается у меня сам собой, и я сразу же зажмуриваюсь, ожидая гнева Джека, но он не злится.

— Всего лишь для того, чтобы ты не глумил. Порошок нужно будет разносить по вечерам. Тихо, не привлекая лишнего внимания. Человек, которому это предназначено, сам к тебе выйдет. Тебе просто нужно подходить к каждому бараку. Понятно?

— Да, — стараюсь забыть другие слова, кроме короткого слова, обозначающее полное согласие.

— Мне нравится твоя понятливость, Хэл, — он подмигивал мне, а я с ужасом почувствовал, как липкий страх внутри постепенно сменяется глухим оцепенением. Дрожь прошла. Мозг просто отключил эмоции, чтобы спасти психику. — За товаром будешь приходить вечером. Надзиратели не станут тебя останавливать, но особо не светись, и не попадись администрации. До завтра, Хэл.

Меня грубо выталкивают на улицу. Уже очень темно, мне хочется хоть немного постоять и подышать прохладным воздухом, но нужно спешить. Добираясь до своего барака, я

стараюсь держаться темноты зданий, но меня все — равно несколько раз засекает патруль, но к моему огромному удивлению, надзиратели просто отворачиваются в другую сторону. Когда это происходит в первый раз, я просто встаю с открытым ртом, и не могу поверить своим глазам. Меня отпускают? Я гуляю после отбоя, а меня отпускают! Мэйлс их предупредил на счет меня? Когда он только успел? Второй раз, натыкаясь на патруль, у меня все еще трясутся поджилки, но происходит то же самое. Они не видят меня, вернее, старательно делают вид, что не видят человека, крадущего в тени. Практически у самого барака, меня вновь замечают. На этот раз, собрав всю свою волю в кулак, я открыто прохожу мимо двух курящих надзирателей и захожу в барак. Они даже не шелохнулись. И внутри меня, вопреки всей дикости ситуации, вспыхнул темный, грязный восторг. Давно уже я не испытывал что-либо подобное. Оказывается, работать на Джека не так уж и плохо. Если, конечно, не считать того, что ты разносишь смерть людям. Я отгоняю эти мысли и иду к своему месту.

Все спят. Дневная работа забирает все силы, поэтому добравшись до места сна, заключенные не тратят драгоценного времени на болтовню или игры в карты. Добравшись до своего угла, я рухнул на свой соломенный матрас, но заснуть мне не удастся, так как сбоку раздается шепот:

— Ну, как? — это Сэт, видимо, он не спал, ожидая меня. Мне приходится повернуться к нему:

— Нормально. Ты не поверишь, но пока я шел сюда, меня засекли три патруля, но они сделали вид, что не видят меня. Прикольно, да?

— Угу. Что Джек сказал?

Я сажусь и начинаю говорить шепотом. В принципе, я уверен, что нас не подслушивают, но мало ли...

— Он дал мне задание, теперь каждый вечер, я должен разносить какую-то дрянь по баракам.

— Наркотики? По баракам? — Сэт замирает, испугавшись своего громкого шепота.

— Это не совсем наркотики, — я не знаю, стоит ли все рассказывать, — это что-то другое.

— Не понимаю.

Я вздыхаю:

— Этот порошок... он убивает.

— Как так?

— Не знаю. Джек сказал, что при помощи него, устраняются люди.

— Устраняются? — переспрашивает Сэт.

— Я не знаю, что это значит. Видимо, порошок попадает только к тем, кого пометил Джек.

— Тем, от кого он хочет избавиться. Это как-то странно. Зачем Джеку травить заключенных?

— Или не Джеку? — от собственной догадки у меня мурашки пошли по коже. Но ведь Джек может работать на кого-то. А что, если это администрация заказывает людей?

Быть может, именно поэтому, ему позволено так много. Получается, что ему дают имена людей, он их находит, подсаживает на эту дрянь, и через какое-то время они откидываются. Джек просто инструмент. Они убирают неугодных его руками, чтобы не поднимать шума.

Эта мысль была настолько жуткой и логичной, что мне стало холодно. Если это правда, то я стал последним звеном в конвейере смерти.

— Ладно, — я сглотнул подступивший ком. — Надо спать, а то скоро уже подъем.

Откинувшись на матрас, я закрыл глаза. Моральный ужас, осознание того, во что я вляпался, и страх перед завтрашним днем — всё это отступило перед дикой, всепоглощающей физической усталостью. Через минуту я уже спал тяжелым, бессмысленным сном.

Глава 3

Подъём у нас рано. Очень рано. Но все этому радуются. Поутру воздух ещё не успевает раскалиться, нет яркого солнца и всепоглощающей жары. Именно в эти короткие предрассветные часы ты, по-настоящему чувствуешь себя живым, но именно в эти часы умирает больше всего людей. Скорее всего, они умираю ночью, но выносят их обычно перед рассветом, поэтому и время смерти у всех одно — утро.

Сегодняшний день не стал исключением. Из нашего барака вынесли пятерых. Это настоящий рекорд за неделю. Живые молча провожают взглядами застывшие, окоченевшие тела на брезентовых носилках. Кто-то тихо всхлипывал. Я не плачу, уже привык, хотя и знаю двоих из умерших: Кейси, тонкую девчонку, с которой мы прошлым летом таскали кирпичи на стройке, и Патрика, пожилого мужика, который не замолкал ни на минуту, постоянно проклиная лагерь. Вообще-то, ему давно уже пора было умереть. Он постоянно ныл и жаловался на нашу жизнь. Мы с Сэтом как-то даже поспорили, сколько Патрик здесь протянет: я давал месяц, Сэт — полгода. Победа досталась Сэту.

Лица в бараке менялись так быстро, что мы переставили запоминать имена. Люди превращались в серую, безликую массу. Ты закрываешься, не даёшь себе привязаться, потому что знаешь: любого, с кем ты подружишься, рано или поздно

уведут. У меня тоже когда-то была своя компания, а потом все исчезли. Один за другим. Пока не остался только Сэт. И мы вновь поспорили, кого из нас двоих заберут первым.

Живот мучительно сжало от голода. Мы напрасно гипнотизируем взглядом вышку с колоколом: сиплого удара гонга в ближайшее время не будет.

У колодца ледяная вода обожгла лицо и плечи. Я уже забыл, каково это — смывать грязь горячей водой, чувствовать запах мыла или намыливать волосы шампунем. И, наверное, к лучшему. Память — это яд, она может довести до уныния. Мне в каком-то смысле повезло больше остальных: попав сюда двенадцатилетним мальчишкой, я просто не успел привыкнуть к хорошей жизни. Мне не о чем было тосковать и не было куда возвращаться.

Завтрак так и не состоялся. Нам велели разбиться на группы и строиться. Вновь на поля? Хорошо еще, что солнце только — только показало свои лучи и на улице все еще чувствуется прохлада, хотя бы пойдем по росе. Мы собираемся у задних ворот, и когда первые группы уже покидают периметр, ко мне подходит один из надзирателей:

— А ты куда собрался? — его голос грубый и напрочь прокуренный, от этого звука мне сразу же хочется убежать и спрятаться, но я остаюсь на месте и непонимающе смотрю на него. — Ты же из ребят Джека? — прохрипел он, наклоняясь ниже. Я быстро кивнул. — Вот и дуй к Джеку, чего в толпе трешься...

— Но мне не говорили...

— Иди, кому сказано! — гаркает он, отпихивая меня в сторону.

Я поворачиваюсь к Сэту, тот лишь неопределённо пожимает плечами и вместе с колонной выходит за ворота. А я остаюсь. Меня никто не пинает, не прогоняет, и никто не орет мне в затылок. Это очень дикое, противоестественное чувство.

Я немного послонялся между пустых строений. Все заключенные заняты своими делами, но большинство из нас сейчас находится за пределами лагеря, на полях, в лесах, в горах. Чувствуя себя мишенью на открытом поле, я в итоге поплёлся к барaku Мэйлса. Но войти внутрь не решился, так и стоял у дверей, как вкопанный, пока Джек сам не вышел на крыльцо и не затянуться папиросой.

— Ты чего тут топчешься? — он прищурился, разглядывая меня. — Я ж велел к вечеру быть.

— Надзиратель снял меня с колонны и отправил к вам.

— Во как, — Джек выпустил дым через нос. — Ну, раз пришёл, то заходи, — он пропускает сначала меня, а затем заходит сам.

Внутри находится ещё несколько человек. Я узнаю Тода, правую руку Мэйлса, и ещё пару шестёрок. Они смотрят на меня с молчаливой, тяжёлой угрозой. В их глазах читается непонимание моего присутствия здесь.

— Ребята, это Хэл. Теперь он работает с нами, — небреж-

но бросает Джек, он настроен ко мне вполне дружелюбно, — Садись, — он указывает мне на свободный стул, — Мэйсон, сообрази нам чай.

Парень с ярко-рыжей шевелюрой молча поднимается и вытаскивает из-под стола металлический чайник. Я смотрю на него, как замороженный. Мэйсон ставит чайник на старую плиту, спираль медленно краснеет, и чайник весело начинает шипел. Этот звук из прошлой жизни буквально парализует меня.

Джек уходит за плотный занавес, который отделяет вторую половину комнаты, и через пару минут окликает меня: — Хэл, шагай сюда.

Разговор в баракe мгновенно стихает, внутри всё холодеет. Зачем он зовёт меня? После слов Сэта о том, что Мэйлс агент Администрации, каждый шаг дается мне с трудом. Меня ведут на допрос? Или сразу в утиль?

— Хэл, ты там оглох? — снова донеслось из-за ткани.

Я сглатываю и несмело отдёргиваю тяжелое полотно. Комната напоминает склад или импровизированную лабораторию: бочки, плотно закрытые мешки, стеклянные банки с тёмной взвесью и ряды тонких химических пробирок.

— Это что?.. — вырывается у меня.

— Здесь творится магия, — хмыкает Джек.

Он действительно варит дурь, и делает это прямо здесь в этом самом бараке.

— Но шмоны... проверяющие штурмуют бараки каждую

неделю. Как вы...

— Нас предупреждают за несколько часов, — отрезает мои дальнейшие расспросы Мэйлс. — Запомни, Хэл: в этой дыре выживает не тот, кто умеет махать лопатой, а тот, у кого правильные связи.

После этих слов у меня не осталось ни единого сомнения, что Сэт прав. Мэйлс работает на верхушку.

Джек Мэйлс появился здесь около пяти лет назад и практически сразу же стал местным авторитетом. Его боялись, его уважали, с ним считались. Никогда не понимал почему, и, если честно, сейчас тоже этого не понимаю.

— Тебя ведь упаковали сюда за наркоту, — неожиданно произносит Джек, поворачиваясь ко мне. Его взгляд становится острым, как бритва. — Почему ты не стал глушить дурь здесь?

Мои ладони холодеют. Одновременно меня пугает осведомленность Джека насчет меня, и воспоминания, мне ведь и правда предлагали... люди Мэйлса... не так уж и давно.

— Я... я считаю, что наша жизнь тут и без того паршивая, — выдавливаю я из себя, старательно удерживая голос от дрожи. — Зачем делать её ещё хуже? — это только часть правды, всю говорить мне не хочется.

Джек чешет затылок и оценивающе смотрит на меня. А я не могу избавиться от мысли: мне предлагали наркотики, разве это не значит, что меня хотели убить? А Джек даже не пытается что-то скрыть, сам напомнил мне об этом. Как

будто бы наемкнул. Дышать становится тяжело.

Я же не высовывался! Я делал все по правилам. Почему теперь я на крючке?

— Босс, — в дверном проёме показался рыжий Мэйсон.
— Чай кипит.

— Идем, — Джек похлопал меня по плечу, но его пальцы сжимаются на моей ключице слишком сильно. — Хэл, ты теперь в нашей обойме. Будешь делать, что говорят, то получишь бонусы. Вчерашняя прогулка мимо патруля — только начало. Понравилось?

— Есть немного, — я даже не вру.

— Пошли пить чай. Ты, небось, уже и забыл его вкус.

Весь день я провожу в бараке Мэйлса. Постепенно парни расслабляются, перестают бросать на меня хмурые взгляды и у нас завязывается что-то вроде дружеского разговора. Я знаю, что все они торчки, как я понял, у Мэйлса все, рано или поздно, принимают собственный продукт, так сказать, проверяют его на качество. Ясное дело, что их наркотики, это не смертельный порошок, а что-то иное, более чистое. Мне тоже предложили попробовать, но я отказываюсь, под их общий смех. Пусть смеются, для отказа у меня есть все основания.

После очередной дозы, парни вообще развеселились. Джек куда-то ушел, оставив нас одних. Я тоже немного успокоился. Если честно, мне не удалось вспомнить, когда в последний раз я проводил день, попивая чай и болтая с

людьми. Мне на миг становится тошно, сейчас, все остальные втыкают свои лопаты в черную землю, отбрасывают тяжелые камни, таскают бревна... а я сижу в прохладной комнате, в окружении торчков. Не лучше ли мне быть там, на поле?

От размышлений, меня отвлекает знакомое имя. Тод, покуривая сигарету, весело произносит:

— А Барри-то сейчас, наверное, кайфует. Наркоша хренов.

Я ежусь:

— Вы думаете, его сделали семидневником?

— Сто пудов, — отмахивается Тод, но ловит мой непонимающий взгляд и продолжает. — Новый мэр на этой херне помешался. «Каждый осужденный перед смертью имеет право на человеческую жизнь». Раньше-то, как было — пулю в затылок за сараем, и никто не узнает. А сейчас бюрократию развели... Нам даже повезло, что утренним трупам вскрытие не делают, а то за наш серо-розовый порошок нас бы всех на ремни порезали.

Смысл его слов не сразу доходит до меня, но немного поразмыслив, я понимаю. Конечно же, порошок разносят по вечерам, приняв его, человек умирает ночью, и если бы его труп исследовали врачи, то они бы обязательно обнаружили некое химическое вещество. Пошли бы проверки, отчеты. Разве это надо администрации? Бизнес Джека пришлось бы прикрыть.

— И что делают эти семь дней? — тихо спрашиваю я, больше, чтобы отвлечь себя.

— Да всё, — пожимает плечами Тод. — Вывозят за периметр в город. Живёшь в каком-то крутом бараке, жрёшь нормальную еду, пьёшь пиво, можешь с девками гулять. Кароче, отдыхаешь. А на седьмой день тебе пускают газ или делают укол. Всё, комедия окончена.

И Барри тоже умрет, слышу не произнесенную вслух фразу.

Закон под названием «Семь дней жизни» был принят уже довольно давно, еще до моего заключения, но в детстве я его совершенно не знал. Узнал, когда попал сюда. Надзиратели, вскользь упоминают его, когда помещают людей в лагерь, что-то типа: если вы нарушите устав лагеря, то вас убью, но перед этим вы получите семь дней жизни. И все. Об этом правиле обычно забывают, вплоть до нарушения, но и тогда его редко кто выполняет. Ведь никому это не надо. Не им, не нам. В какой-то мере, надзиратели, делают одолжение своим заключенным. Кому захочется прожить семь дней, зная, что, в конце концов, тебя ждет крышка гроба? Уж я бы точно не захотел. Лучше сразу... Новый мэр думает, что борется за права человека, но на деле, получается, все по-другому. Сплошная пытка.

— А как их убивают в конце? — неужели тоже расстреливают?

Тод качает головой:

— Я не знаю, и надеюсь, что никогда не узнаю.

К вечеру заключенные возвращаются, и я иду их встречать. На этот раз они успели на ужин, поэтому настроение у всех лучше, чем вчера. Сэт машет мне рукой, и я бегу к нему. Он грязный, потный, уставший. Глядя на его измождённое лицо, я чувствую жгучий стыд. Парень рассказывает мне, что когда они были на поле, над ними пролетал самолет, это очень всех взволновало. Хоть какой-то намек на цивилизацию.

Я лью воду на Сэта и еще на двух парней, они умываются быстро, смывая только часть грязи. Отмыться полностью, при всем желании, у них не получится. Я не уверен, что Сэту стоит знать про лабораторию Джека, но все — равно все ему рассказываю. Мне просто надо выговориться, замолкаю только тогда, когда речь заходит о законе «Семи дней». К этому времени, мы уже сидим в столовой, в наших руках ложки, а в металлических тарелках гречка. Сэт уплетает ее за обе щеки, а я после двух литров чая и ленивого дня, брезгливо смотрю на это блюдо. Опустошив миску, Сэт внимательно смотрит на меня, после чего задает мне вопрос:

— То есть люди Мэйлса раньше уже предлагали тебе попробовать их смертельный порошок?

— Да, — я поддвигаю свою тарелку к Сэту, он несколько секунд смотрит на нее, после чего вновь берет ложку.

— Получается, тебя пытались убрать ещё до этой драки с Барри, — жуя, говорит он.

— Получается так.

— Ты, дружок, крупно влип.

— Я это и без тебя понимаю, — у меня холодеют кончики пальцев. — Но, если Джек хочет меня убить, то зачем он принял меня в свою команду?

Сэт медленно проглатывает остатки каши, опускает ложку в пустую миску и тихо, но емко произносит:

— Чтобы подставить.

Глава 4

Сэт прав, и я знал это с первой секунды. Я не нужен Джеку, меня просто хотят убить. Восемь лет я учился сливаться со стенами, но теперь все пошло крахом. Меня сделали курьером смерти, чтобы наконец-то поймать.

Мне хочется выть и кричать. Чтобы я ни делал, как бы не прятался, финал будет один и тот же. Администрация решила избавиться от меня, и это у них получится при любом раскладе.

К бараку Мэйлса я бреду, сглатывая горькие слёзы. Заключённые уже разошлись на ночевку. Мы с Сэтом попрощались так, как будто расставались навсегда. Так оно, наверное, и было. Сколько еще можно тянуть с моей смертью?!

Вдох... выдох... Главное — дышать.

Зайдя в барак, я морщусь от ядовито-жёлтого света единственной лампочки.

— О, Хэл! — Джек отрывает взгляд от каких-то исписанных листов на столе. В его голосе звучит отвратительная веселость. — Заходи, заходи.

Мне указывают на табурет и просят подождать. Через минуту из-за занавески вынырнул Тод, неся в руках стопку маленьких полиэтиленовых пакетиков. Всего двадцать штук. На каждом из них изображена цифра — это номер барака. Быстро оглядываю их, одиннадцатого нет, моего дома в спис-

ке нет. Внутри на секунду стало чуточку легче, не знаю, смог бы я принести смерть тем, с кем спал плечом к плечу. Это было выше моих сил.

— Всё запомнил? — спросил Мэйлс.

По-видимому, пока я пялился на пакеты, то пропустил его инструкции мимо ушей, но я всё равно быстро киваю и сгибаю пакеты в карманы. Они неприятно шуршат. Этот шорох может меня выдать, поздно вспоминая, что патрули в курсе моего передвижения, ещё позднее — что меня всё равно убьют.

— Свободен, — Джек снова утыкается в свои бумаги, а Тод бросает на меня быстрый, сочувствующий взгляд.

Я пачусь к двери и выскакиваю в прохладную темноту.

А что, если я не понесу эти чертовы пакеты? Выкину их, закапаю, а Джеку скажу, что все разнес... но это, конечно же, навряд ли прокатит. Люди Мэйлса находятся в каждом бараке, и они, наверняка, следят за поставщиками. И если партия не придет, то меня придушат.

Зажав кулаки в карманах, я направился к первому барaku. Мне не надо заходить, просто стоять рядом, тот, кому предназначен этот пакетик, сам выйдет за ним. Так оно и происходит. Дверь тихо скрипит и из щели показывается седая голова с выцветшими, мертвыми глазами. Патруль неподалёку демонстративно развернулся и ушел в противоположную сторону. Мужчина протягивает ко мне свою сухую, дрожащую руку, и я отдаю ему пакетик. Пальцы старика мгновенно

но сжимаются, и дверь захлопывается.

Всё? Так просто?

В груди затеплилась трусливая, глупая надежда. Если задача проходит так гладко... может, я смогу протянуть ещё день? Или два?

Один за другим передо мной возникают сторбленные, искалеченные, больные люди. Они беззвучно тянут свои костлявые ладони за серой золой, совершенно не догадываясь, что вместо кайфа покупают себе билет в могилу. А может, они прекрасно это знают?

Я стараюсь не смотреть им в лица, отворачиваюсь, проклиная всё на свете. Благо, все пакеты предназначались для северных барачников — там жили горнорабочие с рудников. С ними мы пересекались редко: у них были свои ворота, своя столовая и свой ад. Знакомых среди них у меня нет.

Когда пальцы в кармане нащупывают последний пакетик, сердце начинает отчаянно колотиться от дикой радости. Последний! Неужели, я сделал это?!

У девятого барака стоит глухая тишина. Надзиратели даже оставили свой пост, тем самым расчистив мне дорогу. Я подхожу к двери и несколько минут просто стою, ожидая очередной руки. Но ее нет. Проходит минута. Другая. Никого.

Я обеспокоенно обхожу барак и уже собираюсь уходить, как вдруг замечаю в глубокой тени здания скрюченную фигуру.

Ну, наконец-то.

Подхожу ближе. Длинные, спутавшиеся в колтуны волосы полностью заслоняют лицо человека. Его руки плетью свисают почти до колен и покрыты какими-то бурыми пятнами.

— Эй, — шепчу я, протягивая шелестящий пакетик. Моя рука немилосердно трясется. — На. Забирай быстрее.

Заключенный резко вскидывает голову и в полумраке вспыхивают безумные, расширенные зрачки. Это была девушка, тонкая, как ветка, совсем девчонка, превратившаяся в ходячий скелет. Но её глаза... Боже, её глаза просто горят жаждой к жизни.

— Я не хочу умирать, — громко и твердо произносит она.

— Тише! — похолодел я, дико озираясь. — Тсс! Тихо!

Но она совершенно не слышит меня:

— Он сказал... он сказал, если я приму это, я умру! — По её грязным щекам текут слёзы. — А я не хочу умирать!

Мозг взрывался от паники.

— Хорошо, хорошо! Успокойся! Я высыплю его, поняла? Высыплю и все закончится!

Я судорожно рву край пакетика и переворачиваю его. Серый порошок тут же высыпается на землю. В следующую же секунду, девушка громко воет, то ли от боли, то ли от страха:

— Нет! Что ты наделал?! — Она кошкой бросается на меня. Тощие, костлявые пальцы выдирают у меня из рук пустой полиэтилен, и увидев, что там ничего не осталось, девушка с нечеловеческой силой вцепляется зубами в мое плечо. Пы-

таюсь отцепить ее, но у меня это плохо получается, а вот она вгрызается очень умело, через пару секунд, я уже просто ору от боли.

Тут же над нами вспыхивает ослепительный луч прожектора, и со всех сторон слышится топот тяжелых сапог. Но меня это мало волнует. Девушка, рыча, разжала зубы на плече и рванулась к моей шее.

Она сейчас перегрызёт мне сонную артерию! — пронесится в голове дикая, абсурдная мысль, от которой мне становится почти смешно.

Подбежавшие надзиратели пытаются оттащить эту ненормальную, но она оказывается очень сильна. Поднимает-

ся невообразимый шум, слышатся крики, ругань, какой-то треск, а потом раздается выстрел.

Девушка неестественно всхлипывает и наклоняется назад, я инстинктивно дергаюсь, пытаюсь подхватить её, но мне это не удается. Она падает на землю, ее глаза широко раскрыты... Я смотрю сначала на нее, потом на надзирателей. Один из них медленно опускает ружье. Не думаю, что пуля предназначалась именно этой девушке, скорее всего, он просто стрелял на поражение в темноту.

— Что за херня здесь происходит?! — старший конвойный со всей силы рванул меня за грудки, встряхивая.

— Она... она напала на меня, — заикаясь, пытаюсь придумать правдоподобную историю, хотя и знаю, что это все бесполезно.

— Комендантский час! — рычит он, тыча дулом ружья мне в подбородок. — Почему ты на улице?!

— Простите... я...

— Заткнись! — мужчина не дает мне ответить. — За нарушение комендантского часа полагается расстрел. Пошёл!

На секунду я закрываю глаза. Всё произошло так быстро. Я надеялся продержаться хотя бы пару дней, но ловушка захлопнулась в первый же вечер. За какие-то двое суток всё, что я строил восемь лет, рухнуло в прах.

Кажется, Сэт снова выиграл спор.